
Владимир КАНТОР

НЕ ПУСКАЙТЕ ЗЛО В СВОЙ ДОМ

Новелла

Ходя по улицам, он выискивал, что валяется под ногами. Дед Антон был скуповат и невероятно экономен. «Хозяйственный у нас дед», — говорила бабушка Настя. Вынужденный после коллективизации перебраться в московский двор около Окружной железной дороги, в коммуналку, из своего большого двухэтажного дома, стоявшего в огромном саду, который он сам и насадил, он не сдавался. Повторял: «В хорошем хозяйстве и веревочка пригодится».

Эту скупость и надежду только на себя мама несла в себе как свою силу. Она понимала, почему ее отец подбирает булавки и пуговицы в уличной пыли. Пусть пуговичка найдена на улице, но ни у кого не прошена. У нее было присловье: «Надо в жизни опираться на свой собственный хвост». Слишком много было пережито в одиночку, безо всякой помощи. Думаю, такое самостояние и от внутренней силы, но и от памяти прошлого — своего дома, своего сада, даже своей вредной коровы Зорьки. За год до начала войны, сразу после школы она поступила в МГУ на биологический факультет. Очень хотела сравняться с профессорским сыном, моим будущим отцом. Старшая сестра Лена язвила: «Танька, вверх лезешь? В профессорскую семью? Смотри, не сорвись. Вот у меня моряк. Он только меня хочет и ничего больше». Сестра Лена к семнадцати годам уже потеряла невинность. В начале войны мама ушла из университета, как и ее сестра, и окопы рыла, и белье солдатское шила, и на электростанции работала. А было ей всего-то восемнадцать. Конечно, все работали, все были в ужасе. Но тут и рождался странный характер опоры только на себя и одновременно полной покорности перед безличной силой государства. Мама жила за городом, на работу ездила на электричке. И вот ее рассказ: как в начале войны по шпалам шла толпа плачущих баб и девчонок (и мама среди них), потому что электричка встала, не доехав до Москвы, а все спешили на работу, ибо по закону за опоздание на три минуты давали три года лагерей. Шли вроде на работу, а на самом деле в тюрьму. Потому и рыдали. Но в этот день *всех простили*. По всей Москве не было электричества.

Вера в свою внутреннюю силу была у нее необыкновенная. Как-то на излете советской власти я попал в Самару (тогда это было другое имя — Куйбышев), где нас повели в бункер Сталина. Было глубоко и крутая лестница, полумрак, старались не упасть. Тогда я и узнал, что Куйбышев планировался как запасная столица страны на случай падения Москвы. То-то были вынуждены насмерть стоять под Сталинградом. Чтобы не открыть врагу путь к Самаре по широкой воде. Бункер этот был глубиной в тридцать семь метров. Экскурсовод пошутил: «Случайно такую глубину выбрали, не

Владимир Карлович Кантор — доктор философских наук, профессор философского факультета НИУ-ВШЭ. По версии журнала «Le Nouvel Observateur» (2005) — один из 25 крупнейших мыслителей современности.

в честь тридцать седьмого года. Но люди, жившие вокруг бункера, исчезли в одну ночь неизвестно куда. Зато глубже бункера ни у кого не было — ни у Гитлера, ни у Черчилля». И там я увидел в зале, приготовленной для заседаний Политбюро, на стенке в рамках под стеклом два документа начала войны, которые, как сказал хромой экскурсовод, нигде не опубликованы. Здесь висят, мол, подлинники. Сверхсекретные приказы Сталина. Один был о производстве самолетов. Город выпускал в неделю два самолета. В приказе чувствовалось бешенство вождя: «Это издевательство над Красной армией и лично товарищем Сталиным. Приказываю перейти на выпуск двухсот самолетов в месяц. За неисполнение по законам военного времени — расстрел всем, кто отвечает за работу». И подпись: «Иосиф Сталин». И ведь перешли. Начали работать в три смены. Старики, которые еще держались на ногах, женщины, дети с тринадцати лет, их ставили на ящики, чтобы могли справляться со станком. Другой приказ — о затоплении Москвы, смысл которого был в том, что вначале из Москвы выезжает правительство, за ним Политбюро, последним товарищ Сталин. После отъезда Сталина из Москвы город должен был быть взорван и превращен в озеро.

Приехав в Москву, я рассказал об этих приказах как об открытии родителям. Отец не поверил, мама же спокойно сказала: «Да, мы все про это знали». Она работала тогда на электростанции. Перекусывали хлебом с водой в обед, сидя на ящиках с толом. Ее напарница боялась и все время плакала. А мама ее утешала: «Сядь со мной рядом. Я везучая». И девушка пересаживалась к маме на другой ящик тола и успокаивалась. В маме все чувствовали витальность, не бьющую через край, не давящую других, а устойчивость, как у крепко вросшего корнями в землю дерева. Она и моего будущего отца как бы своим поведением, строгостью, сквозь которую светилась настоящая женственность, привязала к себе на много лет. Сестра Лена спрашивала: «А ты своему Карлу дала перед армией? Мужики это помнят и ценят». Мама ответила: «Ты что! Война ведь! Когда мы Молотова услышали в парке, он меня проводил, целовал перед дверью, а потом на следующий день уже ушел в военкомат. И просил ждать. Сказал, что во время войны солдатам разрешают вступать в брак без длительного срока очереди». Как понимаю, до брака у родителей был один эротический момент, который отец запомнил на всю жизнь. И записал. Эпизод совсем невинный: «Я шел с Таней на станцию „Петровско-Разумовская“ Октябрьской железной дороги и провожал мою зазнобушку до Университета. Однажды, сидя рядом с ней на одной скамейке, я положил ей руку на колено. Я не знаю, что испытала Таня, но меня словно пронзило током. Таня не отняла моей руки, как будто так это было и надо. Не взглянула на меня, только разве, что мельком, когда сходили с поезда. Это осталось во мне не как воспоминание, а как сегодняшнее самое сильное переживание физической и духовной близости между нами».

В один осенний день соседки по Лихоборам принесли в нервном страхе сплетню (или правдивую весть?), что в Сокольниках видели немецких мотоциклистов, которые промчались вихрем, оглядывая окрестности. Уже много после узнали, что в этот день, шестнадцатого октября, немцы прорвали оборону и готовились вступить в Москву. В нашей военной литературе это называется черной неделей октября. Партийные бонзы наутек бежали из Москвы. Сталин, как и обещал в своем приказе, не покидал столицу, оставив при себе Молотова и Берия. Но начальники стремительно покидали город, начались жуткие разбои и грабежи. Остановил свою армию сам Гитлер, приказав войти в советскую столицу, подготовившись, маршевым шагом с развернутыми знаменами. И ошибся. Ночью в Москву по приказу Жукова вошла армия (что от нее оставалось), за грабежи по закону военного времени Щербаков ввел расстрелы, разгул бандитизма утих. А еще через время в Москву вступили сибирские дивизии — рослые мужики в тулупах, с автоматами. Наступление немцев было отброшено. Но никто из

жителей этого пока не знал. Мама с сестрой спрятали в подпол младшего брата, мама все время выскакивала на улицу, бабушка Настя молилась перед лампадкой, дед рыскал свою далеко припрятанную винтовку 1913 года, сидел и чистил ее. На что рассчитывал — Бог знает. Тетя Лена шептала маме: «А если немцы будут нас насиловать?» Воображаю сухие глаза мамы, сжатые в ниточку губы, когда она ответила: «Меня не тронут. Не дамся!» — «Дура! — воскликнула сестра. — Злу лучше уступить, а потом подмыться как следует». Вместо ответа мама выскочила на улицу, услышав маршевый шаг неизвестно каких солдат. И влетела назад: «Наши идут! Немцам Москву не дадут!» Она увидела сибиряков. Сестры обнялись и заплакали.

Утром слышали шум боя, который вначале, казалось, приближался, но вскоре пошел на убыль. Похоже, немцы стремительно отступали. За ужином сестры принялись планировать, что будут делать дальше. «К Виктору во Владивосток буду добираться, — сказала тетя Лена. — Нельзя мужика надолго без женщины оставлять. А ты к Карлу?» — спросила она маму. «Нет, буду восстанавливаться в университете. Учиться надо. Хочу, чтобы Карл мной гордился». Тетя Лена усмехнулась: «Ты же красивая девка. Что еще мужу нужно, кроме твоих сисек и попы? Твой диплом? На хрена он ему?» Мама сердито посмотрела на сестру: «Мне нужно. Я могу, я знаю, что могу. Хочу быть равной ему». — «Дело твое», — ответила сестра.

* * *

Прошло время, немалое время. Тетя Лена вовремя съездила во Владивосток, вытащив своего жениха, мичмана Виктора Петрова, из загса, где он собирался расписываться с другой женщиной. И женила на себе. Они через пару лет перебрались в Москву. Дядя Витя оказался при штабе. Мне уже исполнилось лет тринадцать, у меня был новорожденный брат, годовалый. Папа окончил университет, вел семинары по истории партии в Рыбном институте, читал лекции по эстетике в Институте кинематографии. И вдруг его пригласили на работу в журнале по искусству на должность «умного еврея», то есть заместителя главного редактора, появились деньги, небольшие, но все же. Теперь они оба подолгу не бывали дома, я стоял на балконе, смотрел на кружащееся воронье, которые кричали «Карр-р! Карр-р!», а мне слышалось: «Кар-рл! Кар-рл!» И я говорил им: «Папы нет дома!» Мама как-то услышала это и поняла, что мне нужен братик или сестренка! И мама, отбросив требование свекрови не заводить новых детей, забеременела, и теперь у меня был годовалый братик.

Об этом несколько слов. Было уже двадцать первое декабря. Так получилось, что Клавдий (это странное имя дал потом младшему сыну отец, увлекавшийся тогда историей римских императоров) был подарком отцу от матери (хотя она и спрашивала, в честь какой Клавки Карл дает сыну это имя, но все же поверила в императорскую версию) и отчасти и от меня. Потому что отца дома не было, когда начались схватки. У маминой мамы не было телефона, а со свекровью она говорить не хотела. Пару недель назад случился дома большой скандал, собственно, это и была основная причина, почему отец вдруг сорвался в дом художника «Сетунь». В тот день маме было плохо. Она несколько раз сползала с дивана, ходила в туалет, потом сказала мне: «Надо неотложку вызывать, уже воды отошли. Сумеешь?» К тому моменту и бабушки Мины дома не было. А я был мальчик, домашний, книжный, совершенно не понимал, что значит «воды отошли». И в свои тринадцать взрослым себя не чувствовал. Но надо было что-то делать, решать проблему. Я понимал одно: медлить нельзя. Снял трубку, нашел номер роддома, выдохнул и стал крутить телефонный циферблат. Звонки куда-то пробились, мне ответил милый голос, что все машины на вызовах, придется часа два подождать. Похоже, что девушка на том конце провода хотела трубку положить. Тут

я нервно начал кричать, что я сын, что никого из взрослых нет, что у женщины, у мамы то есть, воды отошли и неужели они не понимают, как это опасно. Очевидно умилившись мальчишескому голосу, который испуганно произносил слова, которых сам не понимал, девушка, заведовавшая машинами, распорядилась, и через двадцать минут неотложка уже стояла у подъезда. Еще была проблема свести роженицу с третьего этажа. Это больше всего беспокоило молодую врачиху. Санитар с одной стороны, я — с другой изо всех сил поддерживали маму почти на весу, довели до машины, там с помощью шофера санитар уложил маму на лежанку внутри перевозки. Докторша села рядом и принялась шупать мамино запястье, искать пульс.

Я остался один, что с мамой — непонятно, было жутковато с непривычки, но с маминым заданием, которое придавало решимости. Воспитан я был просто: раз надо, значит, надо. Надо было дойти до бабушки Насти и рассказать ей, в какой роддом повезли маму. Карманных денег у меня не было, не было вообще ни копейки. И чувствуя, как взрослою, я пешком дошел до Тимирязевской академии, оттуда по Лиственничной аллее до Окружной дороги, перейдя железнодорожные пути, до Лихобор, до бревенчатого домика, где в одной из коммунальных комнат жили бабушка Настя и дед Антон — у железнодорожной насыпи. «Спасибо, сынок», — сказала бабушка, напоила чаем, и мы вышли, поехали в роддом, чтобы «ты отцу мог сказать, где мама-то лежит». Походили под окнами, новостей у дежурной не было, отправили записку, яблок у нас не взяли, бабушка дала мне мелочь на автобус и трамвай, и я вернулся домой. Папы, разумеется, дома не было, а бабушка Мина даже не поинтересовалась, где мама.

Мама родила младшего брата в день рождения отца. Тут уж ему позвонили, и он примчался, взволнованный и немного виноватый, поскольку свое тридцатипятилетие справлял вне дома и с кем-то. Но мамин подарок перебил все остальные. Это как бы родилось его второе Я, это что-то символизировало, он пока только не знал что.

В большом сером конверте, где были мамины письма и записки, я нашел и свое письмо ей по поводу рождения брата, письмо ничего не понимающего подростка, школьника, лопухого щенка, весело и дружелюбно виляющего хвостом:

«Здравствуй, любимейшая мамуся! Как ты ТАМ живешь? Как себя чувствуешь? Как живет мой братенец? Какой он? Стал ли покрепче? Когда ты выходишь? Я по тебе очень соскучился. Но не вылазь раньше времени. Я чувствую себя хорошо. Окончил четверть без троек. Елки еще нет. Домработница Вера еще не сбежала, хотя бабушка Мина ее все так же пилит. Живем хорошо. Напиши мне побольше, а то папке и бабушке Насте пишешь много, а мне мало. Еще раз чуть не влопался по географии, но вылез. 5! Крепко, крепко тебя целую, а также нашего малыша.

До скорого свидания. Вова.

Очень крепко, крепко тебя люблю.

Поправляйся».

Папа баловал младшего, воспитывая супермена. Это была не лучшая его идея. Папин друг, писатель, бывший фронтовик, так же воспитывал своего младшего, вырастив вообще бандюгана. Детей нужно баловать. Только тогда из них вырастают настоящие разбойники.

* * *

Бабушка Настя рассказала старшей дочери, как я вез маму в роддом, и ее муж, дядя Витя, вдруг уважительно сказал: «Мужик!» Он понимал толк в настоящих мужиках. Правда, у него младший тоже вырос абсолютным баловнем. Ничем хорошим это не закончилось. Сам он, моряк-подводник, в сущности, был героем. Их подводная лодка затонула, наткнувшись на мину. Произошло это в Северном море. Лодка легла на

грунт на глубине около пятидесяти метров. Все попытки поднять ее оказались абсолютно безрезультатными. Тогда командир сказал: «Выход один — торпедный аппарат! Попробуйте, кто пролезет». Пролезли трое, среди них помощник капитана мичман Виктор Петров. Ими выстрелили, как торпедами. Уже это был подвиг: с аквалангами пловцы опускались не более чем на пятнадцать метров. А тут без акваланга, без кислородного запаса они прошли пятьдесят метров до поверхности. Как рассказывал дядя, вскорости течение их разбросало на большое расстояние. Теперь каждый выживал поодиночке. И трое суток он плавал один, вернее, держался на воде, а море, повторяю, Северное, то есть холод дикий. Но он выдержал, выжил и сумел доложить руководству, что произошло. После этого он получил чин контр-адмирала. Лодку подняли, но было поздно, все уже были мертвы.

У тети Лены были тоже два сына: Сашка младше меня на год и Антошка пяти лет. Тетя Лена сняла дачу по Рижской дороге в соседней деревне, рядом с тетей Полей. Мама поехать не могла, годовалый ребенок связывал ей руки, и тетя Лена предложила, чтобы я поехал с ними. С деньгами было плохо, о санатории и доме отдыха думать не приходилось. Мама согласилась, так я очутился в семье военного, еще продолжавшего службу. Худощавый дядя Витя установил военное расписание: с утра зарядка, пробежка, затем подтягивание на турнике, отжимание от земли по десять раз. Меня он все время хвалил, я же был не родной сын, а племянник его жены. Слова его я запомнил, очевидно, это была морская похвала: «Сила, мощь и красота!» Я и вправду старался. На завтрак очень располневшая тетя Лена кормила нас пшенной кашей, в каждую тарелку добавляя по куску вареной колбасы, еще горячей, с крупинками жира. Днем дядя Витя водил в нас лес, учил ориентироваться. Но тут я показал полную тупость. «У тебя же отец летчик», — не ругался, а журил меня дядя Витя, но подзатыльников, как Сашке, мне не перепадало. Антошке перепадали только поцелуи и одобрительные похлопывания. После обеда мы играли в городки, я первый раз играл в эту игру, мне нравилось. Книг у них не было, я тоже не взял. Дядя Витя любил вечерами зачитывать нам поучительные истории о великих людях и делах из отрывного календаря. А еще перед сном мы играли в лото. Игра на внимание, но казавшаяся мне абсолютно бессмысленной. Вечером нас укладывали на железные пружинные кровати с тонкими матрасами. Тетя Лена, выключив свет, уводила дядю Витю в соседнюю комнату. Сашка, обождав некоторое время на цыпочках, подкрадывался к родительской двери и прислонял свое ухо к двери. Я знал, что это неприлично, хотя не понимал почему. Иногда, тихо хихикая, к нему подкрадывался Антошка и тоже что-то слушал, пока не получал подзатыльник от старшего брата. Я старался не шевелиться, притворяясь, что сплю. Как-то дядя Витя услышал Антошкино хихиканье, выскочил, Сашка уже успел лечь, но именно его дядя Витя и выдрал ремнем, приговаривая, что он учит младшего всему дурному. Антошка был баловень, а Сашке попадало всегда, чаще всего не по делу. На отца он постоянно смотрел испуганными глазами.

Мы в детстве носили матроски, хотели подражать героям-морьякам. Наверно, лет до восьми-девяти. Потом — на что у родителей денег хватало. Обе семьи были небогатые. К «малообеспеченным», как тогда называлась полная нищета, нас отнести было нельзя, но денег едва хватало на жизнь. Матросские костюмчики покупала нам бабушка Настя. У нее было время ходить по магазинам и искать.

Так прошло лето. И еще много лет. Ну, может, немного. Примерно лет семь. Дядя Витя все же был в чинах, был контр-адмиралом, но с жильем было скверно. Он получил двухкомнатную квартиру с соседом-сослуживцем, грузином, тоже контр-адмиралом. Но с молодой нерожалой женой Маргаритой. В воздухе у них, как рассказывала бабушка Настя, навещавшая старшую дочь, что-то не очень хорошее повисло. Она сама видела, как Маргарита, проходя мимо дяди Вити по их узкому коридорчику, прижималась

как бы случайно к нему грудью, как дядя Витя вздрагивал. Рассказывая это маме, бабушка Настя неодобрительно качала головой.

* * *

Сашку дядя Витя отдал в школу милиции, чтобы его там держали в строгости. Он оказался успешным курсантом. Я же поступил в университет и на втором курсе женился. На свою свадьбу Сашку я, конечно, позвал. Я был вполне зеленый — двадцать лет. Ему — девятнадцать. Свадьбу после загса мы справляли в маленькой квартире моей молодой уже супруги. Все было даже чересчур уютно, тюль везде, венгерская мебель, считавшаяся очень модной. Слово бытом, мещанским уютом они хотели заговорить неуютность бытия. Чем-то их квартира напомнила мне квартиру Петровых, но Петровым приходилось жить с соседями. Это усложняло жизнь, но мы казались себе очень взрослыми, все понимающими, хотя Сашка выглядел опытнее. Такого Сашку я не знал и как бы заново с ним знакомился. Он с профессиональным подозрением смотрел на мою молодую суженую. «У нее, кроме тебя, кто-то был?» Он пальцем почти ткнул, указав на элегантно одетого еврея лет тридцати. Я кивнул неуверенно. Это был еще молодой мужик, старше, правда, нас, но про которого мне много, слишком много, как теперь понимаю, в период моего ухаживания рассказывала Белка, невесту мою звали Белла. Она говорила, что Ян Брук был уже кандидат искусствоведения, гулял с ней долгими вечерами и рассказывал про искусство, водил в музеи и театры, даже пару раз загулявшись допоздна, оставлял ее ночевать у себя. Но, мол, тронуть ее не решался, говорила Белка. Я и вправду был лопухий щенок, слушал ее рассказы и сочувствовал ей. Для еврейских родителей Белки эта партия казалась удачной. Но увы! Ее прогулки-хождения длились с ним года полтора, но ничего не сладилось. Потом он уехал с некоей девушкой на Север, как он говорил, «выводить породу морозоустойчивых евреев». Но через несколько месяцев вернулся, оставив свою девушку на Севере. Моя теща не хотела, чтобы дочка звала его на свою свадьбу, но своенравная Белка позвала и все время поглядывала на него горделиво: мол, какого парня я ухватила, а ты — меня прозевал. Но Ян подарил арбуз (была осень), на котором вырезал фразу: «ВОВА + БЕЛЛА = ЛЮБОВЬ!». И еще был сомнительный приятель с волнистыми волосами из МАДИ, Пашка, который пришел с молодой женой Аней, Белкиной однокурсницей, но все время намекал, что оставляет за собой право к Белке вернуться. Его молодая жена смущенно улыбалась, а я по-прежнему по-щенячьи вилял хвостом. И все же Белка нервничала и, чтобы скрыть свой мандраж, пила водку, рюмка за рюмкой. Упала на диван, закрыв глаза. Теща шептала громко: «Белла, возьми себя в руки». Но юная жена не в состоянии была пошевелить ни одной конечностью. Сашка смотрел на нее милицейским глазом, потом шепнул мне: «А у тебя-то с ней хоть что-то было?» — «Было», — ответил я кратко. Услышав мой ответ, теща закатила глаза от стыда за происходящее и, потеряв сознание, рухнула в кресло. Тесть принялся обмахивать ее полотенцем, потом подхватил и почти на руках отнес в соседнюю маленькую комнату. Квартира была небольшая, всего две комнаты. Меж тем Белка уже завалилась на диван, даже с ногами, одна из подруг пыталась привести ее в чувство, хлопая по щекам. Моя мама ее тоже откачивала, нашла где-то у свяжков нашатырный спирт, терла молодой жене виски и давала нюхать нашатырь. Постепенно общими усилиями юная женщина, недавно приехавшая из загса, пришла в себя, села за стол, выпила еще рюмку и попросила гитару. Из двери соседней маленькой комнаты показалась голова тещи с тем же припевом: «Белла, возьми себя в руки». Мой отец, одетый в рабочие брюки и подержанный пиджак, который сидел на нем как офицерский китель, сидел ни на кого не глядя, иногда принужденно улыбаясь, и пил из большой рюмки минеральную воду.

Между тем Сашка решил разобраться в этих отношениях, вышел из-за стола и поманил к себе пальцем Яна. Тот вдруг послушно поднялся, и Сашка вывел его из квартиры. Белка вздрогнула, посмотрела им вслед, немного трезвея, но не сказала ни слова. Прошло минут десять. Кто-то позвонил в дверь, открывать пошла теща. В дверях был Сашка, сквозь очки посмотревший почему-то внимательно на тещу. Она вздрогнула, в свою очередь уставилась на Сашку: «А где Ян?» Сашка сощурил свои близорукие глаза: «А кто его знает? Сбежал куда-то. Но мне показалось, что местность он неплохо знает». Теща поколебалась, но все же спросила: «На что ты намекаешь?» Сашка улыбнулся немного нагло. «Да я его совсем не знаю, вы лучше у дочери спросите, — и добавил: — Я тут местных поспрашивал, ну шантрапу местную, чтобы они его поискали». Белка попыталась подняться из-за стола. Но мамин нашатырь все же оказался недостаточно действенным, требовалось время для протрезвления, Она снова села на диван. Встал я, и мы с Сашкой вышли на лестничную площадку.

На улице перед подъездом мы остановились, Сашка огляделся и повел на площадку детского садика, находившегося как раз перед домом, дети уже все разошлись, стояла карусель, деревянный корабль, имитация шхуны, качели, песочница. Сашка заглянул в трюм деревянной шхуны, бросив: «Если его отп...ли, вполне могли в трюм запихнуть». Я аж вздрогнул: «А за что его бить-то?» Сашка уставился на меня, уставился с удивлением: «За дело. Зачем он на твою свадьбу приперся? Ты ведь его не звал. Он что, *твой* кореш или дружок *твоей*? То-то. Я и сказал братве, что говно мужик! Просил поучить маленько». Это, конечно, по тогдашним моим понятиям, было чересчур. «Слушай, — сказал я. — Надо бы его найти. Нехорошо как-то получилось», — я положил руку ему на плечо. «Ты растяпа, — сказал мой кузен. — ну раз ты просишь, найду. Но скажу тебе: следи за ней, она не лучше любой лимитчицы, ищет жилье, у тебя же трехкомнатная квартира. Все бабы шалавы, выгоду ищут. Вот и будь осторожнее. Я-то все это знаю, поэтому принцессу искать не буду». И тут из недр деревянного корабля послышались звуки, человеческие, будто кто-то лез, срывался и снова лез. Потом послышался стон. Мы с Сашкой взлетели на палубу и увидели, как из трюма выбирается помятый, но целый Ян Брук.

«Цел? — спросил Сашка. — Ты чего там делал?» Сашка явно насмеялся. Но Ян доверчиво ответил: «Они меня туда скинули. Ну я в угол забился и ждал, пока они уйдут. Услышал ваши голоса и вылез. Спасибо, что нашли меня». Я с укоризной посмотрел на Сашку: «Ладно, пойдем к гостям». Обняв Яна за плечи, я повел его вверх по лестнице. «Только Белке не рассказывай, — вдруг проснулось его мужское начало. — Мне неловко будет, что меня в трюм детского корабля малолетки бросили». — «Не буду», — сказал я. Нас никто не ждал, Белка пела под гитару Высоцкого, которого не любила, но песни его пела, когда не знала, кто автор. Она пела прямо к случаю:

...А тот, кто раньше с нею был,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Сказал мне, чтоб я уходил,
Что мне не светит.

«А машину молодым заказали? — вдруг офицерским голосом бывшего летчика спросил отец. Такой военной интонации я от своего интеллигентного отца, преподавателя философии, редактора журнала по искусству, не ожидал: — Кто этим занимается? — не меня интонации, продолжил отец. — У молодых же снята квартира. Я ее видел. Нормальная однокомнатная квартира, даже решетка на окнах — для безопасности. Молодые должны встречать медовый месяц отдельно». Краем глаза я увидел, что только Сашка среагировал на офицерский тон. Было очевидно, что отца эти решетки и тюле-

вые занавески в доме новых родственников безмерно раздражают. Мама погладила его по плечу: «Карл, все хорошо. Главное, чтобы сыну было это по сердцу. Я не позволю разрушать его семью, как твоя мать разрушала мою».

Пока все хлопотали и препирались, в дверь позвонил Сашка и сказал: «Ребята, я поймал для вас машину. Отвезет, куда скажете». Гости с подарками поползли с пятого этажа вниз. Лифта не было. Внизу все немного и даже премного ошалели. Нас ждала машина «скорой помощи». «Ты что! — воскликнула Белка. — Я на этом не поеду!» Сашка посмотрел на нее зло, не верил он девичьим капризам. «Твое дело, — ответил он. — Иди пешком. А мы с тетей Таней и братом поедem вперед и квартиру к твоему приходу приберем». Но, конечно, поехали мы вместе, Сашка помог разгрузить «скорую» от подарков, поцеловал мою маму и жену в щеку и уехал. Потом уехала мама, сказав, что доберется на трамвае. От Войковской до Красностуденческого проезда, где за трамвайной остановкой стоял профессорский дом с родительской квартирой, ходил трамвай № 27.

Сколько я на нем катался, любимое путешествие для медитации! Смотрел в окно на проплывающие дома, улочки и переулки и как бы о чем-то думал, на самом деле не думая ни о чем. Переживая, так сказать, *мыслительное настроение*. Было два пункта, между которыми я курсировал, — это два книжных магазина. Точнее, два киоска, один находился в красном доме райсовета, на первом этаже, там часто бывали неожиданные новинки, их первым делом направляли по начальственным местам, где «работали с народом». Там я купил неожиданно «Путешествие Гулливера» Свифта, издание для детей. Другой киоск был в другой стороне, в здании Водного института, но там интересные книги редко встречались.

Но вернусь к первой законной ночи. И вот тут самое странное с моей памятью. Я абсолютно ничего не помню из этой ночи. Хотя у нас была широкая двуспальная кровать, не могу вспомнить ни наших ласк, ни любовного шепота. Только запомнилась решетка на окне, решетку поставила хозяйка, сдавшая нам комнату: все же первый этаж! Она рассказала, нам, что и это не спасение, что у нее сквозь решетку что-то удочкой украли. Знакомая Белкиных родителей, элегантная пожилая еврейка, явилась к нам неожиданно около девяти утра — поздравить «молодую даму» с приобщением к женскому миру. Мы вместе выпили чаю, и она ушла. Больше не приходила.

* * *

И еще прошло время. Жизнь разводила все дальше, очень разные были сферы жизни. Первым из братьев женился Сашка, тетя Лена его жену не одобрила, была она из приезжих, по-простонародному «лимитчица», казалось, что потянула Сашку в слой пониже. Он и вправду начал выпивать. Она не претендовала на жилплощадь, от работы она получила комнату для семейных. Родила сына, которого Сашка назвал по имени отца — Виктор. Хотел, чтобы отец относился к нему лучше. Антошка женился на однокласснице. Этот вариант тете Лене понравился много больше, а моей маме напомнил ее юность, когда мой отец ухаживал за ней, начиная с седьмого класса. Приехав на свадьбу, пробыл я там недолго, надо было ехать в редакцию, где в этот день я был «свежей головой», вычитывал весь текст. Поэтому и водку пить не мог, только минералку и сок. Поэтому и молодую жену Антошки разглядел как-то вскользь. Но она мне понравилась: очень милая синеглазая блондинка, робкая и скромная, которая будто никак не могла поверить, что вчера еще была школьницей, а сегодня уже жена, то есть взрослая, не ребенок, большая. Действительно, месяцев через шесть она родила дочку. То есть замуж она выходила уже беременной. Моя мама сказала: «Ну девчонки пошли! Из-за парты еще не вылезла, а уже беременна. Хотя Лена говорила, что Антошка давно

в свою Юльку влюблен, давно женихались. Но Карл за мной с седьмого класса хвостом ходил, а женились мы, когда нам больше двадцати было, я в университете училась, а он уже офицер, летчик с боевыми вылетами. И ведь ждал меня!»

Тут случился откровенный роман у дяди Вити с соседкой, женой сослуживца. Дядю Витю вызвали к начальству и велели в течение месяца разъехаться с соседом. Он обаялся словом офицера выполнить поручение высшего командования. Но Маргарита офицером не была и офицерского слова не давала. Поэтому она караулила дядю Витю по всей квартире, так что Антошка вынужден был провожать отца даже в сортир. Его молодая жена Юля, из интеллигентной семьи учителей, мама филолог, отец преподавал историю, уже сама работавшая учительницей в начальной школе, смотрела на эти сексуальные игры немного оторопело. Как-то по наивности и молодой глупости она сказала Антошке, что отец его ведет себя неприлично, и в ответ получила по полной программе, что неплохо бы про себя подумать, что она с ним трахалась едва ли не на школьной парте. Юля ударилась в слезы, но скверный поворот их жизни, похоже, начался с ее необдуманных упреков.

В результате бабушка Настя и дед Антон съехались с семьей старшей дочери, спасая ее мужа от юной захватчицы. Но все эти тревожнения и переезды привели деда к сердечному приступу. «Скорая» к старику в шестьдесят семь лет медлила, и в итоге дед умер. А после его похорон, будто кто заслонку открыл, полились несчастья. Поначалу не очень страшные. Правда, для кого как. Антошка завел себе другую женщину, очень худенькую, но с большой грудью, брюнетку, в отличие от пухлой блондинки Юли, приехавшую в Москву из Смоленска, устроившуюся разнорабочей на завод. Родители вздохнули, но промолчали, и второй сын в жены взял лимитчицу. И Юлька вернулась к родителям, а новая по имени Любава уговорила Антона устроить свадьбу и собрать родственников, меня тоже вытянули. Любава с женским интересом оглядывала родственников, я ей приглянулся, она вслух даже сказала: «Красивый мужчина». Антошка сделал вид, что ничего не слышал. Напомнила она мне своей гибкостью, худобой и узким тазом черную змейку гадюку. А змей я боялся с самого детства. И быстро свадьбу покинул. Вскоре она родила двух девчонок, потом умудрилась найти маленькую двухкомнатную квартиру со смутной историей ее получения. Будто Любаве, точнее ее родителям, был должен деньги какой-то уголовный парень из Смоленска. Квартирой для Любавы он как бы возвращал свой долг. История была темная, да и компания вокруг Любавы образовалась не очень приличная, Антошка начал с ними пить и играть в карты на деньги. В один ужасный день ранней осенью он шел к Любаве с большой рыбой, купленной на обед, прошел через тетю Лену, ей тоже оставил рыбу. А поздно вечером вдруг телефонный звонок, что Антошка повесился. Звонила жена. Страшная история с жуткими непонятными деталями. Он принес рыбу, а Любава вдруг срочно уехала с младшей дочкой к врачу, оставив Антошку со старшей, спавшей в кроватке. Когда она вернулась, дочка все еще спала, а муж в петле висел в своей комнате, под ногами валялась опрокинутая табуретка. Она вначале почему-то не врачам позвонила, не в милицию, а друзьям из своей компании. Они-то и вынули Антошку из петли. Дядя Витя и тетя Лена на такси помчались туда. Стало шумно, но старшая дочка почему-то не проснулась. Тетя Лена сразу закричала, что девочке дали снотворное, чтобы она ничего не видела. Потом перевезли тело сына в свою квартиру, позвонили Сашке, старшему брату, который одно время работал в милиции, но после женитьбы запил, потом его за пьянку оттуда выгнали. Конечно, приехали и моя мама и отец, с ними увязался папин однокурсник, писавший иногда в его журнал, некто дядя Лева Помадов. В квартире был полный хаос. Бабушка Настя лежала на полу, почему-то от ужаса забившись под кровать, на которой спала, и вцепившись снизу в прутья, не позволяя себя оттуда достать. Рассказывая этот кошмар моей маме, тетя Лена, сразу

ослабевшая, шептала: «Он им в карты проиграл, не мог деньги отдать, они его и убили. А она из их компании, лимитчица проклятая».

Моя мама стала распоряжаться: «Сашка, звони своим приятелям в милицию. Кто-то ведь у тебя остался. Пусть начинают следствие. А ты, Виктор, подними на ноги военных». Дядя Витя, впрочем, уже звонил в военную прокуратуру. Но там отказали, сказав, что это дело граждански-уголовное и они не имеют права в него вмешиваться. Сашке тоже отказались помогать. Должно, мол, местное отделение этим заниматься. Туда мама и позвонила, жестким тоном потребовав к аппарату начальника отделения. В этот момент в квартиру вошли Любава и дядя Володя, брат тети Лены и моей мамы. Он уже успел за это время отсидеть четыре года, приняв на себя финансовую вину своего начальника. Вроде как нынешние полковники ФСБ оказываются с миллионами под кроватью, которых до обыска и в глаза не видели. Но — субординация! Тогдашняя жена его оставила, но когда он вернулся, мужик еще был в форме, мигом нашлась сначала одна женщина, причем доктор философских наук, но она ему не понравилась как женщина, и он женился на тридцатилетней официантке из кафе. Стал посещать церковь, а с год назад стал церковным старостой в приходе Коломенской церкви. Дядя Володя, человек с грубым сердцем, неся впереди живот, немного задыхаясь от толщины, громко сказал: «Ну Татьяна, как всегда, раскомандовалась! Не шуми, сестричка, сейчас разберемся. Ты лучше маму в порядок приведи, из-под кровати достань. Давай, Танька, работай!» Но мама так посмотрела на него, что он мигом язык прикусил: «Ну извини. Это я привык у себя в церкви руководить». — «Вот рукой и води, — отрезала мама. — А меня не трожь». Однако в комнату бабушки Насти вошла, закрыв за собой дверь. Любава тем временем бормотала: «Да не в милиции дело, все ясно. Надо уже о похоронах думать». Дядя Витя посмотрел на нее как на врага: «Тебя не спросили!» Она словно не заметила его резкости и ненависти, подошла к тете Лене, встала на колени, попыталась положить ей голову на колени: «Какое горе, мама! Потеряли мы Антошеньку... А ведь за ним еще долг большой, он много в карты проиграл!» Тетя Лена вдруг поднялась и голосом, который, наверно, у нее был в молодости, крикнула маме: «Таня, поди сюда. Помоги мне эту б... из квартиры выкинуть!». Любава, как пружина, вскочила: «А внушек своих тоже выкинете? Еще опомнитесь. А я пока пойду, там внизу меня друзья с дочками ждут». И она выскочила за дверь.

* * *

Похороны были через три дня. Я тоже приехал. Моя жена Белка не захотела ехать в мещанский дом. А меня мамин рассказ впечатлил. Но все выглядело спокойнее и как бы мирно. Собрались все: и тетя Лена, и дядя Витя с красными от слез глазами, но с плотно сжатыми челюстями, дядя Володя с выпяченным пузом церковного старосты, бабушка Настя уже ходила в своих тапках с разрезанными задниками, чтобы ногам было легче. Разумеется, Сашка, который поддерживал под руку зареванную первую жену Юльку, одноклассники Антошки, тоже помогавшие Юльке держаться на ногах. Маму держал за руку папа. С новой женой Любавой, точнее уже вдовой, он не захотел здороваться, отвернулся. Гроб стоял посередине комнаты, посиневшее лицо Антошки было прикрыто цветами. «Сыночка мой, не уберегла я тебя, — навзрыд сказала тетя Лена. — Теперь спи спокойно!» Дядя Витя в черном адмиральском кителе с погонами, кортиком на боку старался держать себя в руках: «Ладно, мать, — сказал он. — Смерть никого не минует». Одноклассники подняли гроб на плечи, Любава попыталась пойти рядом с подушкой, на которой лежала голова ее мертвого мужа. Но самый крупный из школьных друзей оттеснил ее, почти оттолкнул и сказал грубо: «Повесили мужа с друзьями, с ними и гуляй, а убитого не замай». Она отошла, точнее

сказать, почувствовалось, что черная змейка скользнула мимо гостей, гибкая, худая, и поползла к дверям, прихватив своих детей-девочек. Они еще были похожи на Антошку, на человеческих детенышей. Но кого она из них воспитает!.. Мы с Сашкой побежали к выходу из подъезда, на улицу, где стояла ритуальная машина — на случай, если дружки Любавы начнут выступать.

Те и вправду скучились около машины ритуальных услуг, стояли, курили, переминались с ноги на ногу. Мы подошли ближе, прислушиваясь к разговору. Доносились слова: «Какого х... вы это сделали? Кому он мешал?.. Кто вас просил!» — сплюнул длинный и, видимо, главный. Мы подошли ближе, и тут вдруг я почувствовал какой-то странный холод, как будто перед нами были доисторические ящеры, от которых шел холод, вымораживающий душу. Тут к ним скользнула змейка Любава, каким-то образом державшая младшую девочку на руках, старшая шла следом, стараясь подражать движениям матери. Антошкина жена, их мать, растянув губы, улыбалась змеиной улыбкой, как ее рисуют художники.

Мы в растерянности даже шарахнулись в сторону. Открылась дверь подъезда, из нее одноклассники Антона вынесли гроб, Сашка открыл задние двери ритуальной машины и помог вдвинуть гроб на предназначенное для него место на полу. Вокруг стояли сиденья для провожающих близкого человека в последний путь. Мы расселись вокруг гроба. Поехали, конечно, тетя Лена и дядя Витя с лицом черным, как его китель. Пузатый дядя Володя. Мои мама и папа сели рядом с Сашкой, как бы защищая племянника. Бабушку Настю тетя Лена оставила дома. Молодые ящеры с черной змейкой Любавой тоже примостились в ногах у гроба. Шофер обернулся: «Ну все собрались? Едем?» Дядя Витя и тетя Лена молчали. Руководство перешло к маме. «Едем, — твердо сказала она. — Больше никого не ждем». Пикап тронулся, долго выезжали на шоссе, потом покатали уже быстро. Вскоре выехали за город. Ехали в деревню к тете Поле, где похоронили деда Антона. А теперь туда везли Антона-младшего.

Сашка по дороге говорил мне: «Что-то с женским полом случилось. Нельзя им никому верить. Все шалавы. И моя тоже. Сына мне только по воскресеньям отпускает. У тебя-то на этом фронте все в порядке?»

Я положил руку ему на плечо. Сказать было нечего.

* * *

А через два месяца умерла бабушка Настя, не пережила убийства внука, ее похоронили в могильной ограде с мужем, с дедом Антоном. А еще через месяц позвонила тетя Лена. Умер дядя Витя, сердце не выдержало. Он с трудом отбил квартиру от вдовы младшего сына, но на этом и сгорел. Мама и я приехали на военное кладбище. Папа лежал в больнице с приступом печени. Дядя Володя, церковный староста, в тот день был чем-то очень занят. Подсчитывал церковные доходы и расходы. Так и воображал его, как в расстегнутом пиджаке, выкатив пузо и надев очки, он щелкает счетами и что заносит в разложенные перед ним бумаги. Понятно, что больше его не поймут на недостачах. Хоронили дядю Витю по-военному торжественно. Играли траурный марш. Взвод морских пехотинцев дал тридцать выстрелов в воздух. Мама не велела мне выходить из-за домов, окружавших кладбище. Тетя Лена стояла около могилы, потом упала на нее. Матросы подняли ее, откуда-то достали маленькое кресло и усадили в него тетю Лену. Сашка остался стоять, вытирая рукавом глаза. Когда матросы грузились в автобус уезжать, то взяли тетю Лену с собой. Сашка не поехал, остался у могилы, плечи согнулись. Он теперь был старший мужчина в семье, а сил вести дом он не чувствовал. Так я его понимал. Неожиданно он повернулся, словно поймал мои мысли,

быстро подошел к нам и сказал мне: «Я один остался. Понимаешь?» Махнул рукой и вернулся к могиле отца.

Мы вернулись домой, мама плакала. Она глядела сквозь слезы в потолок и не вытирала их. Это уходила ее молодость, ее прошлое. Понимал ли я это? Наверно, понимал. И мне было жалко дядю Витю, он и вправду был родной человек, вдруг понял я. Немного не свой, но родной. Трудно это объяснить, но так я чувствовал. Мы с ним не очень беседовали, он был человек военный, и мои гуманитарные интересы он уважал, но мои штудии были далеки от него. Сыновьям он ставил меня почему-то в пример. Но помочь я им не мог. Я был другой. А сам он, как я понимал, как мне говорил папа, был настоящий герой. Как все герои у нас с неустроенной бытовой жизнью. Как ни дико это прозвучит, эта жизнь и довела его до смерти. Впрочем, всех она туда доводит. Жизнь и вправду это путь к смерти.

* * *

Иногда этот пролог к смерти бывает очень небольшим. Хотя даже столетний пролог тоже не велик. Это чувствуешь, подходя к этому рубежу. А тогда, в мои тридцать лет, столетняя жизнь была для меня сродни вечности. Но почему-то, думал я, одни семьи быстро сгорают, другие длятся очень долго. Где причина разрушения? Мама, словно читая мои мысли и переживая мои переживания, как-то мне сказала: «Сашку жалко. Когда тетя Лена умрет, он не вытянет. Сына в Суворовское отдаст, но удержится ли он там? При такой-то матери!» Сашкин сын Витя в школе еле дотянул до восьмого класса, жил и не с матерью, и не с отцом. Ездил от отца к матери и от матери к отцу. Мать гуляла, уже не скрываясь, как и принято у лимитчиц, меня мужиков на раз, законный брак не превратил ее в хранительницу очага. А Сашка пил от сердечной тоски. Пил жестоко. Но про сына помнил, он был наследник фамилии и носил имя деда. Когда умерла тетя Лена, Сашка обошел знакомых отца и пробил, как и предвидела мама, сына в Суворовское училище. Но и там с Витькой не справились, учился плохо, грубил старшим, потом его поймали на мелком воровстве. Сашке позвонили, что сына отчисляют. Сашка тут же перезвонил, но не мне, а маме (он не знал, что я у родителей): «Тетя Таня, что делать?» Мама что-то ему говорила, уйдя в соседнюю комнату (шнур у телефона был длинный). Повесив трубку, сказала мне: «Собирайся, надо к Сашке ехать, ты все же брат, он тебе в рот смотрел. Как бы чего не сотворил с собой!» Я спросил: «А ты папе звонила? Что он говорит?» Мама надевала дождевик, стояла мокрая осень, указала мне на мой плащ, потом ответила: «Папа сказал, что постарается через час туда подъехать». Доехав до метро «Октябрьское поле», мы пошли дворами среди хрущевских пятиэтажек. Дождь накрапывал, будто небо плакало мелкими слезами. Подъезд не запирался, мы поднялись на третий этаж. Мама порылась в сумочке и достала ключ от входной двери, который ей дала перед смертью тетя Лена. Дверь открылась, из квартиры пахло какой-то мертвой тишиной. Такого ужаса до этого я не испытывал. Мама тоже замерла. Потом аккуратно повесила дождевик на одежный крючок и решительно шагнула в Сашкину комнату. Я следом. Он стоял на коленях, положив голову на скрещенные руки. «Ты живой?» — тихо спросила мама. Ответа не было. Мама прикоснулась к его щеке и шепнула: «Холодный».

В этот момент вошел приехавший папа. Он поднял Сашку на руки и положил на диван, мама подсунула ему под голову подушку. Лицо было бледным и осунувшимся, губы искривлены. Сына Витьки не было, и где его искать, никто не знал — ни мама, ни папа, который произнес, глядя в мертвое лицо племянника: «Какой страшный конец семьи! Страшнее, чем у Будденброков! Будто и не было семьи». Я удивился: «Почему конец? А Витьку не считаешь?» Мама вздохнула, а папа махнул рукой. И мама

объяснила: «У Витеньки мать есть. Она решает его судьбу, мы не имеем права вмешиваться в его жизнь». Потом вызывали судебного медэксперта и прочую похоронную команду. Заказали автобус. Через день забрали Сашку из морга и повезли на кладбище, где уже лежали дед Антон, бабушка Настя, Антошка и тетя Лена. Ехали через тетью Полю, я все допытывался у родителей, как так получается, что семья сходит на нет. Папа не отвечал, а мама, посмотрев искоса на отца, произнесла почти монолог (им я и закончу эту историю): «Ты женатый мужчина, считаешь себя главой семьи, но в конечном счете за целостность семьи отвечает жена. Даже если ее хочет изжить свекровь, она хранит мужа и детей. Твоя бабка, мать твоего отца, хотела бы, чтобы мы с Карлом разошлись. Она женщина энергичная. Она хранила отца Карла, но как он умер, она всю свою чудовищную энергию обратила на заботу о сыне, а я ей мешала. Но Карл меня любил, и я его не оставлю. Это наша жизнь, это мой очаг, и я его буду хранить, пока жива. Мне кажется, что и он меня еще любит. Антошке и Сашке не повезло, их жены оказались не хранительницами, а разрушительницами. Тетя Лена не сумела их пересоздать в настоящих жен. Больше ничего не скажу, думай сам, как ты строишь свою жизнь».